РАЗДЕЛ 1.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

DOI: 10.33276/978-5-8211-0785-5-6-21

Б.А. Ерзнкян, К.А. Фонтана

Ерзнкян Баграт Айкович, д.э.н., проф., г.н.с., рук. лаб. ЦЭМИ РАН, Москва, yerz@cemi.rssi.ru, Ivova1955@mail.ru
Фонтана Карине Аркадьевна, к.э.н., с.н.с. ЦЭМИ РАН, Москва, тел. +7(499)724-25-44, +7(985)765-15-35, fontana@mail.ru

СПЕЦИФИЧНОСТЬ БЛАГ И МЕХАНИЗМЫ ИХ ЗАЩИТЫ

В статье подчеркивается, что в настоящее время в целом существует консенсус в отношении самого факта наличия широкого разнообразия благ, но нет единства мнений в отношении выбора единственно приемлемого для всех подхода к их классификации. Из подходов можно отметить таковые на основе дихотомии (блага либо частные, либо общественные) и континуума (между частными и общественными благами и всеми их промежуточными вариантами нет четких границ). В статье акцент сделан на первом подходе с тем, чтобы сделать визуальное представление благ более упрощенным и наглядным. С учетом этого исследованы теоретические подходы к классификации благ с акцентом на общественный интерес к некоторым из них, что вызывает необходимость в осуществлении опеки над ними. В качестве отправной точки взята простая схема контрактов Уильямсона, приспособленная к решению проблемы специфичности, но не активов, а благ, имея в виду в первую очередь блага частные и общественные. Традиционным выражением этой проблемы является проблема безбилетника («зайца»), когда нужда в общественном благе со стороны индивидов не подкрепляется желанием заплатить за него. Общественные блага, будь то мериторные (положительные экстерналии, к примеру) или демериторные (отрицательные экстерналии), нуждаются в защитных механизмах, таких как опека – со стороны государства и/или общества. Обсуждаются некоторые особенности опекаемых благ и механизмы их защиты. Особо подчеркивается тот факт, что общественные и уподобленные им в каком-то смысле блага существуют в определенной – динамической – институциональной среде, качество которой во многом зависит от адекватного выбора институтов, способных подкреплять друг друга, либо ослаблять, в случае неадекватного их выбора. Отмеченные блага анализируются на примере водных ресурсов, могущих выступать в различных ипостасях, что говорит о целесообразности подхода к ним с точки зрения не дихотомии, а континуума. Подобная ситуация и со связанными с водой системами. Так, в специфичность автоматических систем полива, в частности, проявляется в том, что директивные органы и органы местной власти могут использовать автоматические системы полива для производства социальных (коллективных, локально публичных) благ, к примеру, городского зеленого ландшафта. В таком понимании такие системы, будучи частными благами, могут выступать в качестве факторов производства благ социальных.

Ключевые слова: частные и общественные блага, положительные и отрицательные экстерналии, специфичность благ, опека как механизм защиты, институциональное усиление.

JEL классификация: B52, D23, P48, Q53.

ВВЕДЕНИЕ

В традиционной (ортодоксальной, по сути – неоклассической) экономической теории принято деление благ на *частные* и *общественные*. К чисто частному принято относить такое благо, каждая единица которого может быть продана за отдельную плату, в отличие от чисто общественного блага, потребляемого коллективно всеми индивидами, вне зависимости от того, платят они за него или не платят (Нуреев, 2005, с. 67–68). Характерные отличия последнего – *неизбирательность* (потребление такого блага одним индивидом не уменьшает его доступности для других) и *неисключаемость* (никто не может быть исключен из числа потребляющих благо, даже если он не горит желанием платить за него) в потреблении. При этом «особая природа общественных благ заключается в том, что их потребление может быть только совместным и равным» (Блауг, 1994, с. 549).

Такая дихотомичность характерна для чисто общественных благ, которые, однако, в процессе своей эволюции могут потерять некоторые из своих характерных отличий. Важно подчеркнуть то, что в результате утраты одного или двух своих критериальных свойств «*общественное благо превращается в пучок частных товаров и услуг*» (Культурная деятельность в контексте, 2019, с. 461). Здесь дихотомия заменяется континуумом, порождая ряд смысловых «кентавров» – *квазиобщественные блага*, носящие общественный характер хотя бы отчасти (Блауг, 1994, с. 550), *смешанные общественные блага*, характеризующиеся тем, что «хотя бы одно из свойств выражено в умеренной степени» (Якобсон, 1996, с. 42), *полезные для общества блага* (Ходов, 1997, с. 37).

Истоки теории общественных благ восходят к работам Э. Закса (1887), У. Маццолы (1890), Ф.фон Виезера (1889) и К. Викселя (1896). Широким достоянием экономической науки они в то время не стали, поскольку написаны были по-итальянски и по-немецки, и лишь в конце 1930-х гг. они вошли в англоязычную литературу, «причем благодаря исследованиям Р.Масгрейва, докторская диссертация которого (1938) была посвящена модели Викселя–Линдаля» (Рубинштейн, 2018, с. 105). После II Мировой войны, уже в 1950-е гг., благодаря появлению ныне классической статьи П. Самуэльсона (Samuelson, 1954), сформировалась современная теория общественных благ.

Развитием теории общественных благ является теория благ *опекаемых*. К ним А.Я. Рубинштейн относит общественные товары и услуги, в отношении производства и потребления которых у общества имеется свой интерес (Рубинштейн, 2008).

На наш взгляд, в этом определении следует подчеркнуть не просто интерес как таковой (иначе – пассивный), а интерес, активно поддерживаемый государством – скажем, посредством такого механизма, как опека. Это важно, ибо нормативно желаемое может остаться всего лишь желаемым, не будь оно поддержано, иначе – нереализуемым. Иными словами, возможность или необходимость реализации не следует смешивать с реализацией как свершившимся фактом.

Что касается *мериторных* благ, то к ним можно отнести такие товары и услуги, спрос на которые со стороны экономических агентов не совпадает с нормативными установками общества (Musgrave, 1987). И хотя концепции общественных и мериторных благ очень близки, А.Я. Рубинштейн предлагает их не смешивать. Согласно его ключевой дефиниции, под мериторными подразумеваются *«блага, спрос на которые со стороны частных лиц отстаёт от «желаемого обществом» и стимулируется государством»*, в то время как «демериторными являются товары и услуги, потребление которых государство стремится сократить, используя для этого соответствующие институциональные инструменты» (Рубинштейн, 2018, с. 162).

В принципе по отношению и к тем, и к другим можно использовать одно понятие – мериторных благ, но со знаком плюс или минус.

Как нам представляется, имеет смысл различать целенаправленно производимые и/или добываемые блага от таковых, которые не являются продуктом сознательной деятельности. Назовем их с некоторой долей условности основными и побочными благами.

Ссылка на условность объясняется тем, что не всегда можно между этими благами провести четкую грань. Так, в моделях языкового выбора индивидуальная полезность отдельного индивида от решения выучить второй язык «является возрастающей функцией от числа людей, с которыми можно вступать в процесс языкового взаимодействия». В этом случае возможно «говорить о наличии сетевого побочного эффекта (*network externality*)» (Ерзнкян, 2008, с. 106). Получается, что «решение индивида об изучении второго языка увеличивает число людей (на одного человека), общающихся между собой на «втором» языке, а значит и увеличивает языковую полезность каждого представителя этого сообщества. Возможность такого подхода обусловлена технологической трактовкой языка – как средства коммуникации» (Ерзнкян, 2008, с. 106).

ОСНОВНЫЕ БЛАГА

На протяжении всей своей знаменитой книги об экономических институтах капитализма О.Уильямсон (1996) активно пользуется предложенной им же простой схемой классификации контрактов, приспособляя ее для описания не только специфики контрактных взаимодействий, но и особенностей типовых организационных структур управления – унитарной, холдинговой и мультидизиональной структур (У-, Х-, М-структуры), или форм, как в оригинале (U-, H-, M-form).

В статье мы в качестве отправной точки будем опираться на визуализацию обозначенной схемы, наполнив ее интересующим нас содержанием – дихотомичным разграничением благ на частные и общественные. Такая классификация для традиционной экономической теории вполне привычна, при этом с частными благами, как правило, особых проблем не возникает (заплатил – получай, не заплатил – отчаливай), а вот с благами общественными проблема возникает (заплатил – получай, не заплатил – все равно получай), и известна она как проблема безбилетника (*free-rider problem*).

В терминах специфичности можно утверждать, что в концептуальном плане частные блага таковыми (специфичными) не являются, в отличие от благ общественных, специфичность которых заставляет задуматься о возможности обращения к механизмам защиты от возможного оппортунизма со стороны его потребителей. Такие механизмы нужны, чтобы общественный интерес к благам, характеризующимся мериторикой, мог бы быть гарантированно реализован. Такие гарантии может предоставить государство – и это тот случай, когда даже самые упертые рыночники вспоминают о нем (ситуация, известная как «провалы рынка»). Но в каком объеме гарантии могут быть предоставлены и будут ли они предоставлены вообще – это вопрос. Для простоты и удобства на схеме показаны два варианта – они либо есть, либо их нет. В современных теориях, не говоря уж о реальности, не все так просто, но такое деление делает концептуальную схему более наглядной и ясной. Атрибут «концептуальная» указывает на то, что мы имеем дело не с реальными благами и защитными механизмами, а с их упрощенным, типовым представлением, каким это феномены существуют в концептуальном мире благ. Концептуальная схема классификации указана на рис. 1.

$k = 0$ – благо, не нуждающееся в общественной поддержке (частное);

$k > 0$ – мериторное с общественной точки зрения благо;

$s = 0$ – отсутствие защиты от оппортунизма пользователей блага;

$s > 0$ – наличие защитного механизма (опеки) от оппортунистического поведения;

Частное благо – в принципе его потребление зависит от желания и способности индивида заплатить за него. В определенном смысле к такому благу можно приравнять и благо клубное, оплачиваемое из взносов членов клуба;

Мериторное благо – общественное, по сути, благо, но не находящееся под опекой государства;

Опекаемое благо – общественное благо, находящееся под опекой государства.

Рис. 1. Концептуальная схема основных благ

На представленном рисунке клубное мы отнесли к разряду частных, хотя, строго говоря, оно занимает промежуточное положение между частными и общественными благами. Многое здесь зависит от практикуемого исследователем подхода – дихотомического или континуального. Так, к примеру, в расширительной версии общественных благ к ним принято относить весь спектр (континуум) благ, включающий все производимые в общественном секторе экономики блага. Но для целей нашего исследования отнесение клубных благ к частным оправдано. При этом, напомним, пользователи частного блага – индивиды, которые платят за приобретаемое ими благо, в отличие от клубного блага, когда пользователи платят за членство в клубе, предоставляющего им соответствующее благо.

Не вникая в детали всех этих благ, отметим, что А.Я. Рубинштейном предпринята попытка сведения опекаемых благ в общий класс товаров и услуг (см. рис. 2).

Опекаемые блага	Отличительные признаки	Патернализм	
		Мотивация общественной опеки	Механизмы общественной опеки
Товары, генерирующие провалы рынка	Экстерналии, монополия, информационная асимметрия	Устранение провалов рынка	Субсидии и налоги Пину
Продукты «баумолевской экономики»	«Болезнь цен»	Поддержка производства «баумолевской экономики»	Субсидии и налоговые льготы производителям
Общественные товары	Неисключаемость и несоперничество в потреблении	Преодоления «фрирайдерства»	Поставки общественных товаров государством
Мериторные блага	Нормативно-«неправильное» поведение индивидуумов	Коррекция поведения индивидуумов	Субсидии производителям мериторных благ

Рис. 2. Опекаемые блага в экономической теории

Источник: Рубинштейн, 2018, с. 205.

Несколько слов скажем о «баумолевской экономике», охватывающей такие сферы общественно-полезной деятельности, как сфера науки и образования, культура и искусство, одним словом все то, что составляет основу экономики знаний. Впервые о таких сферах, где рыночные законы спроса и предложения не действуют, заявили Баумоль и Боуэн применительно к исполнительным искусствам. В организациях таких искусств наблюдается хроническое отставание производительности труда от динамики производительности по экономике в целом, что вызывает рост их издержек – «болезнь цен» (Baumol, Bowen, 1966).

Для нас особенно важно то, что отмеченная болезнь цен распространяется на всю сферу научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности. В этой сфере при зарождении нового знания, «когда еще не представляется возможным оце-

нить его общественную полезность», «издержки на получение нового знания существенно опережают цену на возможный продукт от этого знания. Сокращение цен на знание в таком случае невозможно без сокращения объемов распространения самих знаний. А это значит, что сокращение бюджетных ассигнований на фундаментальную науку заведомо будет приводить к деградации самой науки» (Львов, 2004, с. 60). Эти тревожные слова Д.С. Львова говорят не только о важности учета болезни цен в сфере НИОКР, но и о том, что протекционистская политика по отношению к фундаментальной науке должна стать обязанностью государства, а не просто благотворительной деятельностью. Для проведения такой политики государство, имея в виду прежде всего российское государство, должно «задействовать соответствующие механизмы, стимулирующие расширение возможностей для распространения знаний. К ним, в первую очередь, относятся налоговые льготы, прямые целевые дотации, законодательные акты по охране авторских прав и обеспечению соответствующих авторских вознаграждений» (Там же, с. 61). Этот перечень защитных механизмов, естественно, может быть продолжен, но нам хотелось бы перейти от основных благ к побочным благам, или экстерналиям – как положительным, так и отрицательным.

ПОБОЧНЫЕ БЛАГА

Побочные блага – это положительные и отрицательные экстерналии, или внешние эффекты (*positive and negative externalities*) (концептуальная схема побочных благ приведена на рис. 3).

Опуская тему неэффективного вмешательства государства, о чем свидетельствуют его действия, скажем, в сфере культурной деятельности за последние два-три десятилетия в виде принятия в нашей стране ряда сомнительных законодательных и нормативных актов, остановимся на решении проблемы экстерналий с опорой на теорему Коуза.

Поскольку сам Коуз точных определений своей теоремы (таковой ее окрестил Дж. Стиглер) не давал, возможны различные ее интерпретации:

1) «в аспекте свободного обмена» (*с точки зрения эффективности не имеет значения, как первоначально распределяются права, при условии, что можно свободно обмениваться ими*);

2) «в аспекте транзакционных издержек» (*для эффективности не имеет значения, как первоначально распределяются законные права, при условии, что транзакционные издержки обмена отсутствуют*);

3) «в аспекте несостоятельности рынка» (*для эффективности не имеет значения, как первоначально распределяются законные права, если обмен ими при этом происходит в условиях совершенного конкурентного рынка*) (Кутер, 2004, с. 61–63).

Нас интересуют не столько дефиниции, сколько то, что теорема Коуза говорит о *потенциальной возможности* интернализации проблемы экстерналий – о возможности, реализация которой на практике весьма и весьма затруднена. Речь идет, по-

существо, об идеальном мире рыночной контрактации, где заинтересованные стороны хотят и могут, имея на то право, вступать между собой в договорные отношения. Справедливости ради, отметим, что оперирование с идеалом нужно было Коузу для того, чтобы довести свои рассуждения до логического конца. Под этим имеется в виду ситуация, пока не будет достигнута эффективная по Парето «аллокация ресурсов (т.е. до тех пор, пока предельные выгоды от передачи прав в точности не сравниваются с предельными потерями)» (Фуруботн, Рихтер, 2005, с. 119).

$k = 0$ – положительные экстерналии, большей частью распространяемые посредством механизма самоорганизации;

$k > 0$ – отрицательные экстерналии, демериторные по своей общественной сути;

$s = 0$ – отсутствие государственного вмешательства ввиду того, что можно найти рыночное решение;

$s > 0$ – наличие опеки со стороны государства;

Механизм самоорганизации – положительные экстерналии зачастую распространяются самопроизвольно, поскольку увеличивают полезность экономических агентов без их вмешательства в этот самый процесс.

Коузово решение – в ситуации невмешательства государства в дело решения проблемы отрицательных эффектов заинтересованные стороны могут попытаться сделать это сами.

Государственное вмешательство – это классический способ исправления провалов рынка, а также единственный надежный способ обеспечения устойчивого развития в ситуации «болезни цен».

Рис. 3. Концептуальная схема побочных благ

Реалистичность теоремы во многом зависит от состояния институциональной среды, от способности агентов – как производителей побочных эффектов, так и их получателей – вступать в рыночные взаимодействия без особых затрат и пр. Оптимальные по Парето точки решения можно изобразить отрезком на кривой контрактов на диаграмме Эджуорта. Так поступают со ссылкой на Х. Вэриана (Varian, 1987) Э. Фуруботн и Р. Рихтер (2005, с. 121, 123). В работах (Ерзнкян, 2010; Yerznkyan, 2012) сделана по-

пытка усиления степени реалистичности теоремы Коуза за счет учета несовершенства знаний потенциальных контрагентов. Поскольку такой, несовершенный, контрагент, может не иметь четкого представления о своих вкусах, возможностях и предпочтениях, предложено от четкой версии теоремы перейти к ее нечеткому описанию.

Поступая так мы заодно уходим от наивной, говоря словами Дж. Стиглица, веры «в Коузовы процессы – в то, что, как только права собственности будут распределены надлежащим образом, станут развиваться эффективные институциональные условия. Такая вера игнорировала как общие теории..., так и проблематичную природу прав собственности» (Стиглиц, 2001, с. 114).

Переход к нечеткой версии теоремы можно осуществить, заменив кривую контрактов плоскостью, отражающей нечеткий характер предпочтений. Такого рода плоскость была предложена в работе Б. Бернхейма и А. Рангела (Bernheim, Rangel, 2008), отмечающих, что их подход базируется на применении когерентных (сцепленных, связанных) аспектов выбора, основанных на замещении стандартного отношения выявленных предпочтений отношением ясного, недвусмысленного, четкого выбора (*unambiguous choice*).

Приведенный ими пример заключается в том, что выбор одного потребителя описывается моделью когерентной произвольности, а другого – стандартной моделью выбора. Развивая эту мысль, можно перейти к обобщенной контрактной кривой – по сути, уже не кривой, а плоскости.

На рис. 4 показана такая уже не кривая в полном смысле этого слова, охватывающая континуум точек между граничными – верхней и нижней – контрактными кривыми.

Рис. 4. Обобщенная контрактная кривая

Источник: Ерзнкян, 2010, с. 41; Yerznkyan, 2012, p. 83.

Все точки внутри и на границах обобщенной контрактной кривой являются оптимальными по Парето, и чем уже (плотнее) эта плоскость, тем ближе обобщенная контрактная кривая к стандартной кривой контрактов, и наоборот.

Принципиальным в таком обобщении контрактной кривой является сама возможность установления континуума взаимовыгодных для контрагентов решений. Причины, вызвавшие появление не одного, а множества приемлемых решений, кроются в присущей потенциальным контрагентам неопределенности: не будучи в состоянии четко определить свои кривые безразличия, они могут указать некоторый спектр решений – в точном соответствии с логикой когерентной произвольности, отмеченной Б. Бернхеймом и А. Рангелом.

Теперь остается распространить оптимальные по Парето решения теоремы Коуза на случай наличия не четкой, а обобщенной, или нечеткой (fuzzy) контрактной кривой, которая служит для представления двумерной ситуации взаимовыгодного обмена, когда одно измерение характеризует неоднородность полученных контрагентами доходов, а второе – неоднородность их собственных предпочтений. При этом напомним, что все решения, представленные между верхней и нижней граничными кривыми являются нечеткими оптимальными исходами по Парето (Ерзнкян, 2010, с. 41). Нечеткая версия теоремы Коуза приведена на рис. 5.

**Рис. 5. Нечеткая версия теоремы Коуза:
в заштрихованной области представлены оптимальные
по Парето потенциально возможные исходы**

Источник: Ерзнкян, 2010, с. 42; Yerznkyan, 2012, p. 84.

Подытожим приведенные рассуждения о контрактных кривых в виде бинарных пар «Эджуорт – Коуз» и «Эджуорт – Бернхейм, Рангел» и тернарной конструкции «Эджуорт – Коуз/Бернхейм, Рангел – Ерзнкян»:

1) Эджуорт (контрактная кривая как геометрическое место оптимальных по Парето точек, в которых происходит обмен благами; в результате фиксируется одна из точек);

2') Коуз (контрактная кривая как геометрическое место оптимальных по Парето точек, в которых происходит обмен правами: в результате фиксируются отрезки контрактной кривой со многими точками)»;

2'') Бернхейм, Рангел (плоскость между двумя контрактными кривыми как геометрическим местом оптимальных по Парето множественных точек, в которых происходит обмен благами: в результате фиксируются сегменты контрактной плоскости со многими точками);

3) Ерзнкян (плоскость между двумя контрактными кривыми как геометрическим местом оптимальных по Парето нечетких точек с функцией принадлежности 1, в которых происходит обмен правами: в результате фиксируются сегменты контрактной плоскости со многими нечеткими точками) (Ерзнкян, 2010, 43).

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ПОДКРЕПЛЕНИЕ ЗАЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ

Имея дело с общественными благами, следует не забывать, что они существуют в определенной – динамической – институциональной среде, качество которой во многом зависит от адекватного выбора институтов, способных подкреплять друг друга, либо ослаблять, в случае неадекватного их выбора (Ерзнкян, 2017).

Положительные экстерналии (*positive externalities*), как правило, поддерживаются неформальными институтами, благоприятствующими их распространению. Такие институты в регулировании не нуждаются – главное, не препятствовать их нормальному функционированию на основе механизма самоорганизации.

Отрицательные экстерналии (*negative externalities*), напротив, требуют для решения порожденных ими проблем вмешательства со стороны государства. Такое вмешательство поддерживается большей частью формальными институтами. В зависимости от степени адекватности таких институтов нуждающимся в своем решении проблемам, формальные институты могут вести либо к подкреплению (усилению) институциональной системы, либо к ее ослаблению – вплоть до полного институционального подрыва (Ерзнкян, 2017), индикатором чего может выступить факт *дегуманизации институтов*.

Это понятие было введено в работе (Ерзнкян, 2016) для характеристики систематического уменьшения числа реальных носителей институтов вплоть до их полного устранения из институционального поля. Следует подчеркнуть, что даже при наличии номинальных носителей институтов отсутствие реальных носителей может привести к

фактическому подрыву институциональной системы. Институциональному ослаблению могут также способствовать изменения, сопровождаемые *экзантиацией* институтов, когда они после «своего внедрения в эволюционно сложившуюся институциональную организацию экономики» начинают выполнять «функции, которые не планировались и не учитывались» при его заимствовании институтов или их выращивании (Вольчик, Бережной, 2012, с. 166). Также добавим, что в ситуации, когда нежелательная дегуманизация институтов наблюдается при крупномасштабном реформировании, то необходимо приложить усилия, по словам Д.С. Львова, не только к перестройке самой реальности. Важно еще постараться скорректировать субъективное отношение «людей к этой реальности, т.е. трансформировать образ социального мира, который превалирует в сознании сограждан» (Львов, 2002, с. 129).

Вместе с тем сказанное в отношении негативных последствий дегуманизации институтов не следует абсолютизировать. Оно верно, если не принимать во внимание динамику и сложную структуру технологического и социально-экономического развития. Так, в ситуации затухания доминирующего и зарождения нового технологического уклада негатив (институциональный подрыв первого) может обернуться позитивом (институциональным подкреплением) для второго. Здесь важно принятие во внимание особенностей фаз волнообразного (ритмического) развития экономики, для датировки которых и в «качестве базового принципа идентификации» этапов которых «выделяется учет структурных изменений в инвестиционной сфере, связанных с обновлением основных капитальных благ» (Дементьев, 2018, с. 22).

Ранее мы говорили о законодательных и нормативных актах, ведущих к подрыву институтов поддержки российской культуры. К этому можно добавить и непродуманные (или весьма изощренно продуманные) действия властей против фундаментальной науки, приведшей в итоге к потере Российской академией наук (РАН) своего бывшего статуса – признанного и авторитетного лидера в создании и продвижении в стране достижений фундаментальной науки – с превращением ее в марионеточную, поскольку несамостоятельную, фигуру. Основным источником такого рода непродуманности кроется в стремлении властной элиты насадить рыночные отношения даже там, где они, по определению, неэффективны. Иными словами, речь идет о сознательном (по недомыслию или по какой-либо иной причине) игнорировании специфики «баумолевской экономики», к которой относятся сферы науки, образования, культуры.

Ситуация усугубляется фактической ненацеленностью промышленной политики на формирование институциональных условий, способствующих техническому переоснащению отечественного производства. И это притом, что доля экспорта российской наукоемкой продукции весьма значительна. Парадокс, по словам Д.С. Львова, заключается в том, что внешняя торговля такой продукцией «в период трансформации экономической системы превратилась из мощного рычага подъема экономики в средство выживания производящих эту продукцию предприятий, извлечения средств не для развития, а для сохранения кадрового и производственного потенциала» (Львов,

2004, с. 56–57). В итоге это ведет «к деградации технологического пространства и существенному ограничению возможностей наращивания перспективной отечественной продукции и расширению емкости отечественного рынка» (Там же, с. 58).

ВОДА КАК ПРИМЕР КОНТИНУУМА БЛАГ

Как благо вода может выступать в различных ипостасях. Она суть частное благо – заплатил за воду и получил ее. Коммунальные платежи включают в числе прочих и плату за воду. Но вода и клубное благо: в ситуации полива площадок для, скажем, гольфа и т.п. Вода как общественное или квазиобщественное благо сопровождает всю нашу жизнедеятельность. Она, несомненно, мериторное благо, хотя и может стать демериторным в результате ее загрязнения. Здесь необходимы защитные механизмы, государственная опека, иные способы решения проблемы. С точки зрения мериторики очищение сточных вод для их последующего применения подобно ремериторизации водного блага. Все эти примеры говорят в пользу того, что подходить к воде (водным ресурсам и связанными с ними системами, например, автоматического полива) целесообразно с точки зрения не дихотомии, а континуума.

Похожая ситуация и со связанными с водой системами, скажем, для автоматического полива. В известном смысле автоматические системы полива (АСП) представляют собой хороший пример использования наилучших доступных технологий инновационного водоснабжения, позволяющие достичь значительной экономии городских водных ресурсов, равно как и использования очищенных сточных вод при поливе городских территорий. Такие территории включают парки, газоны, цветники, различного рода спортивные площадки, включая площадки для гольфа, и др. В аспекте рассмотрения внутригородского сегмента рынка (*residential & commercial*, ResCom), ориентированного на нужды населения и потребности коммерческих и муниципальных, в том числе спортивных, образований, АСП можно отнести к частным благам. Потребителями таких благ могут быть представители бизнеса, государства, социума как внутри, так и вне города.

Но специфичность водных ресурсов этим не ограничивается: отвечающие за городское хозяйство директивные органы и органы местной власти могут использовать АСП для производства социальных (коллективных, локально публичных) благ, например, городского зеленого ландшафта. В таком понимании АСП, будучи частными благами, могут выступать в качестве факторов производства благ социальных. Такое, более широкое толкование и принятие сути благ становится возможным благодаря соблюдению на практике ряда императивных требований, в том числе:

- экологического императива, служащего для выражения идеи желаемого состояния общества, «способного в рамках экологического императива обеспечить развитие цивилизации в данных конкретных природных условиях» (Моисеев, 1998, с. 186);

- социального императива, «в основании которой лежат не нарушаемые ни при каких обстоятельствах пороговые условия функционирования социального сектора экономики» (Человек..., 2007, с, 25).

Как видим, частное благо плавно перетекает в блага иного рода. Более того, современные АСП, значительно сокращая количество воды по сравнению с традиционными видами полива, содействуют к тому же решению задачи экономии водных ресурсов (Fontana, Fontana, 2016). АСП могут внести свой вклад и в смягчение негативных последствий, вызванных действием отрицательных экстерналий. Так, в городском хозяйстве их экологическим преимуществом может считаться то, что они способствуют обеспечению дополнительного увлажнения воздуха, что весьма существенно для поддержания микроклимата и экологического фона города (где практически единственным способом решения проблемы воздушного загрязнения (*micro particle pollution*) является увлажнение и озеленение городской внешней среды).

В завершение темы представления воды как многогранного блага остановимся на базовых принципах государственной политики в области использования и охраны водных объектов, закрепленные в Водной стратегии РФ. В ней помимо прочего предусматриваются:

- гарантированное обеспечение водными ресурсами населения и отраслей экономики;
- охрана и восстановление водных объектов;
- обеспечение защищенности от негативного воздействия вод.

Что касается Стратегии экологической безопасности РФ на период 2025 г., то в ней закреплены приоритетные направления для предотвращения угроз экологической безопасности, включающие:

- совершенствование законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования, а также институциональной системы обеспечения экологической безопасности;
- внедрение инновационных и экологически чистых технологий;
- строительство и модернизация очистных сооружений, внедрение технологий, направленных на снижение сбросов загрязняющих веществ в водные объекты;
- осуществление эффективных мер по сохранению и рациональному использованию природных, в том числе водных, ресурсов.

К сказанному добавим, что регулирование отношений в сфере водоснабжения и водоотведения осуществляется Федеральным законом № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении».

Подробнее эти и другие нормативно-правовые и законодательные акты, включающие основные документы, регулирующие оборот сточных вод в РФ, представлены в работе (Фонтана, Ерзнкян, 2019).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время в целом существует консенсус в отношении самого факта наличия широкого разнообразия благ, но нет единства мнений в отношении выбора единственно приемлемого для всех подхода к их классификации. Из подходов можно отметить таковые на основе дихотомии (блага либо частные, либо общественные) и континуума (между частными и общественными благами и всеми их промежуточными вариантами нет четких границ).

Для целей настоящего исследования мы старались придерживаться первого подхода с тем, чтобы сделать визуальное их представление более упрощенным и наглядным. Для этого нам понадобилась опора на известную схему О. Уильямсона с заменой специфичности активов на концептуальную специфичность благ. Вместе с тем мы затрагивали и тему континуума благ – там, где чувствовалась в этом необходимость, как в примере водных ресурсов. В последнем случае традиционные для общественных благ критериальные свойства неизбирательности и неисключаемости вместе взятые или по отдельности утрачиваются, размываются, что ведет к появлению «смысловых кентавров» с расплывчатыми и подвижными границами. Именно это и характерно для континуума благ.

Знание специфичности интересующих нас благ может сыграть свою роль при выработке защитных механизмов (там, где в этом имеется необходимость), при управлении ими, при разработке и реализации стратегических подходов к их бережливому освоению, потреблению, использованию. Так, эффективное управление такими благами, каким являются водные ресурсы, выступает существенным элементом в деле преодоления преград к достижению устойчивого развития не только водного сектора и городов в целом, но и смягчения, а то и устранения, негативного воздействия глобальных трендов.

Вместе с тем одного лишь знания недостаточно. Необходима разработка четкой политики в отношении специфичных благ. Так, в случае водных ресурсов такая политика должна: определять повторное использование сточных вод; задавать институциональные рамки для реализации соответствующих проектов; располагать достоверными количественными и качественными данными; учитывать финансовые возможности и экологические риски, принимать во внимание культурные и иные особенности объектов приложения управленческих воздействий и пр.

Особое внимание в настоящей работе было уделено общественным благам – мериторным (положительным экстерналиям, к примеру) или демериторным (скажем, отрицательным экстерналиям) и защитным механизмам (государственной опеке) от возможного оппортунизма, причем как со стороны получателей благ, так и государства (ситуация «провалов государства»). Была также затронута тема демериторизации (образование сточных вод) мериторного по своей сути блага (водные ресурсы) и реме-

риторизации (очищение сточных вод) ставшего демериторным изначально мериторного блага.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994.
2. *Вольчик В.В., Бережной И.В.* Отбор и экзактация институтов: роль групп специальных интересов // Архипов А.Ю., Кирдина С.Г., Мартишин Е.М. (ред.). Эволюционная и институциональная экономическая теория: дискуссии, методы и приложения. Глава 8. СПб.: Алетейя, 2012. С. 165–187.
3. *Дементьев В.Е.* Принципы макроэкономической идентификации этапов длинноволновой динамики // Теория и практика институциональных преобразований в России [Текст]: сборник научных трудов / под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 43. М.: ЦЭМИ РАН, 2018. С. 22–32.
4. *Ерзнкян Б.А.* О моделях языкового выбора // Львовские чтения – 2008 [Текст]: Сборник научных трудов по материалам конференции / Государственный университет управления; [под ред. С.Ю.Глазьева и Б.А.Ерзнкяна]. М.: ГУУ, 2008. С. 94–118.
5. *Ерзнкян Б.А.* Нечеткая версия теоремы Коуза: *raison d'être* и принципы представления // Вестник университета (Государственного университета управления). 2010. № 2. С. 37–44.
6. *Ерзнкян Б.А.* Дегуманизация институтов и ее последствия для социально-экономического развития // Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании – 2019: материалы Четвертой международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 20–22 июня 2019): в 3 томах [отв. ред. Е.Ю.Баженова]. Т. 2. Ростов-на-Дону; Таганрог: ЮФУ, 2019. С. 61–72.
7. *Ерзнкян Б.А.* Институциональное усиление: три типа отношений // Журнал институциональных исследований. 2017. Т. 9. №1. С. 27–38. DOI: 10.17835/2076-6297.2017.9.1.027-038.
8. Культурная деятельность в контексте. Экономическая теория, институциональная среда, социологические измерения / под ред. А.Я. Рубинштейна. СПб.: Алетейя, 2019. 1072 с.
9. *Кутер Р.Д.* Теорема Коуза // Экономическая теория / под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 61–69.
10. *Львов Д.С.* Экономика развития. М.: Экзамен, 2002. 512 с.
11. *Львов Д.С.* Экономический механизм развития России: Цикл публичных лекций «Академики РАН – студентам ГУУ». М.: ГУУ, 2004. 66 с.
12. *Моисеев Н.Н.* Судьба цивилизации. Путь разума. М.: МНЭПУ, 1998.
13. *Нуреев Р.М.* Теория общественного выбора. Курс лекций [Текст]: учеб. пособие для вузов. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. 531 с.
14. *Рубинштейн А.Я.* Экономика общественных предпочтений. Структура и эволюция социального интереса. СПб.: Алетейя, 2008. 560 с.
15. *Рубинштейн А.Я.* Теория опекаемых благ: учебник. СПб.: Алетейя, 2018. 304 с.
16. *Стиглиц Дж.* Quis custodiet ipsos custodies? Неудачи корпоративного управления при переходе к рынку // Экономическая наука современной России. 2001. № 4. С. 108–146.
17. *Уильямсон О.И.* Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая». – СПб.: Лениздат; CEV Press, 1996. – 702 с.
18. *Фонтана К.А., Ерзнкян Б.А.* Общие вопросы повторного использования очищенных сточных вод // Теория и практика институциональных преобразований в России [Текст]: сборник научных трудов / под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 46. М.: ЦЭМИ РАН, 2019. С. 22–32. DOI: 10.33276/978-5-8211-0777-0-46-67.
19. *Фуруботи Э.Г., Рихтер Р.* Институты и экономическая теория: Достижения новой институциональной экономической теории. СПб.: Издат. дом Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2005. XXXIV + 702 с.
20. *Ходов Л.Г.* Основы государственной экономической политики. М.: БЭК, 1997.
21. Человек в мире экономики: социальная проекция программы развития России / под общей редакцией проф. А.Я. Рубинштейна. М.: ИЭ РАН, 2007. 140 с.
22. *Якобсон Л.И.* Экономика общественного сектора. Основы теории государственных финансов. М.: Аспект Пресс, 1996.

23. Baumol W.J., Bowen W.G. *Performing Arts: The Economic Dilemma*. N.Y.: The Twentieth Century Fund, 1966.
24. *Bernheim B. Douglas, Rangel A.* Beyond Revealed Preference: Choice Theoretic Foundations for Behavioral Welfare Economics / NBER Working Paper No. 13737. January 2008.
25. *Fontana K.A. Fontana C.* Wastewater use: a new opportunity for the green economy. General Overview // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 03 (86) март. Часть II. С. 8–11.
26. *Musgrave R.A.* Merit Goods. In: Eatwell J., Milgate M., Newman P. (eds.). *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*. L.: Basingstoke Macmillan, 1987. P. 452–453.
27. *Samuelson P.A.* The Pure Theory of Public Expenditure // *Review of Economics and Statistics*. 1954. Vol. 36. P. 387–389.
28. *Varian H.R.* *Intermediate Microeconomics: A Modern Approach*. N.Y.: L.: Norton, 1987.
29. *Yerznkyan B.H.* Pluralistic Institutional Solutions of the Problem of Externalities // *Montenegrin Journal of Economics*. 2012. Vol. 8. No. 2. Special Issue. P. 73–86.

Yerznkyan B.H., Fontana K.A.

GOODS SPECIFICITY AND THEIR SAFEGUARDS

The article emphasizes that there is currently in general a consensus on the fact that there is a wide variety of goods, but there is no consensus on the choice of the only acceptable approach to their classification for all. Among the approaches, we can note those based on a dichotomy (either private or public goods) and a continuum (there are no clear boundaries between private and public goods and all their intermediate variants). The article focuses on the first approach in order to make the visual representation of goods more simplified and intuitive. With this in mind, theoretical approaches to the classification of goods with an emphasis on public interest in some of them, which causes the need for guardianship (patronization) over them, are studied. The starting point is a simple contractual scheme of Williamson, adapted to solve the problem of specificity, however not of assets, but of goods, meaning primarily private and public goods. The traditional expression of this problem is the «freerider» problem, when the need for a public good is not supported by the desire to pay for it. Public goods, whether merit (positive externalities, for example) or demerit (negative externalities), need protective mechanisms, such as patronization – from the state and/or society. Some features of patronized goods and safeguards, or mechanisms for their protection are discussed. It is particularly emphasized that public goods and goods that are likened to them in some sense exist in a certain dynamic institutional environment, the quality of which largely depends on the adequate choice of institutions that can reinforce each other or weaken them if they are not adequately chosen. The mentioned goods are analyzed on the example of water resources, whose specificity, in particular, is manifested in the fact that decision-makers and local authorities can use automatic irrigation systems to produce social (collective, locally public) goods, for example, urban green landscape. In this sense, such systems, being private goods, can act as factors of production of social goods.

Keywords: private and public goods, positive and negative externalities, specificity of goods, patronization as a mechanism of protection, institutional reinforcement.

JEL Classification: B52, D23, P48, Q53.